

ЭКСТЕРМИНАЦИЯ¹

Действующие лица:

Девочка.

Исследовательница.

Место и время действия:

Место — Большая хоральная синагога в Гродно.

Время — застывает.

1.

«Кем я стану? Кем я стану в будущем, *аба*? Ведь больше всего я боюсь, что стану никем.

Но разве нужно делать хоть что-то, чтобы стать никем? Я просто буду никем. Хотя быть — это уже что-то. Я просто буду. Я помню, *аба*, как ты сказал это. Что я просто буду. Но разве можно просто быть? Как это — просто быть? Быть просто?

Будь я сыном, я могла бы стать кем угодно. Но я родилась дочерью. Я родилась дочерью, а значит стану никем. Но что будет со мной, когда я стану никем? Неужели в моей жизни больше ничего не случится? Что мне тогда останется?

Я боюсь, что когда я стану никем, то больше ничего не смогу делать. Я боюсь, что больше не буду способна делать хоть что-то. Как если бы я перестала видеть. Что тогда со мной станет?

Когда-нибудь я совсем перестану видеть. Что мне тогда останется? Что мне останется, *аба*?»

2.

Мордехай Яффе признавал переселение душ и молитву к десяти *сфирот*. Он родился в Праге в 1533 году и, перечисляя своих предков по мужской линии, доходил до царя Давида. Мордехай Яффе изучал Талмуд и каббалу, знал философию, астрономию, математику и написал множество ученых трудов. Я бы хотела быть, как Мордехай Яффе.

Он приехал сюда в 1572 году, чтобы после десяти лет изгнания из Праги стать главным раввином чужого города. Через три года он пригласил итальянского архитектора Санти Гуччи, чтобы тот построил здесь первую каменную синагогу — самую большую в Гродно. В новой синагоге исполняли религиозные гимны — *пютим*. Ведь Мордехай Яффе написал не только множество ученых трудов, но и множество *пютим*. Поэтому синагога называется хоральной — здесь был хор, пели только мужчины. Не уверена, пел ли сам Мордехай Яффе, но я бы хотела написать историю о нем. Ведь у Мордехая Яффе была удивительная жизнь, и пятнадцать лет этой жизни он провел в Гродно. Я бы хотела знать, какие тайны он здесь оставил. За пятнадцать лет можно не только написать множество *пютим*, но и оставить множество тайн. Вполне в духе Мордехая Яффе с его склонностью к мистицизму. Но эти стены не помнят Мордехая Яффе.

Через тридцать лет после того, как Мордехай Яффе провел свой последний год в Гродно и отправился в Люблин, его синагога сгорела. Это был первый пожар. Пожар 1617 года, который уничтожил первую каменную синагогу Гродно.

Вторая синагога была разрушена вторым пожаром — в 1885 году, а затем третьим — в 1899-м. От второй синагоги остался только большой молитвенный зал.

В 1902 году над ним начали возводить новое здание, и к 1905-му в Гродно появилась третья хоральная синагога.

¹ Оригинальная редакция 2021 года.

Так что у Большой хоральной синагоги, которая стоит здесь сегодня, своя история. Но она так запутана и совсем неясно, что из этого правда. И она не имеет никакого отношения к Мордехаю Яффе.

Случались ли здесь новые пожары, я пока не знаю, об этом толком нигде не написано. Я просто повторяю про себя эти даты, чтобы не отключиться. Хотя вообще-то отключиться было бы неплохо.

Я не сплю уже две недели. Но я еду сюда, чтобы узнать правду о Большой хоральной синагоге.

Хотя я конечно же вру. На самом деле я еду сюда, потому что меня попросили, и я хочу помочь.

Опять вру. На самом деле я еду сюда, чтобы не писать диссертацию.

Но это просто отговорка. На самом деле я еду сюда, чтобы сбежать.

Этих «на самом деле» может быть не меньше сотни, пока я доберусь наконец до Большой хоральной синагоги. И до правды. Я еду сюда, чтобы забыть.

Это так смешно. Я так хочу узнать чужую правду, чтобы забыть свою. Хотя что вообще такое эта «правда»? Подлинность слухов о синагоге? Аутентичность реставрированного интерьера? Тактильная доступность фактов прошлого? Мне нужна живая история. Нет, мне нужно нечто большее. Я жду откровения. Кажется, я вполне готова увидеть знак, учитывая мое состояние. Снова смешно. «Увидеть знак». В любом случае пока отключаться нельзя.

Наверное, было бы правильно сначала погулять вокруг, зайти на еврейское кладбище, обойти синагогу и постоять на ее заднем дворе, увидеть ее с изнанки. Но я боюсь, что всё-таки могу случайно отключиться где-то по дороге, так что я даже толком не рассматриваю фасад, о котором успела прочесть по пути сюда. Просто отмечаю про себя: песочный и белый. Пряничная синагога. Надеюсь, меня никто не слышит. Главное не думать слишком громко. Есть у меня такая глупая черта — я думаю, что всего лишь думаю, а на самом деле говорю вслух. Хотя, с другой стороны, она действительно похожа на пряник. И в этом нет ничего дурного. Иду внутрь через сувенирную лавку. Никаких сувениров в лавке нет, да мне и некому их покупать, так что я стараюсь внимательно смотреть под ноги, чтобы не зацепиться за какую-нибудь из досок. Выхожу в молитвенный зал.

Стены такие белые, что кажутся стерильными. Сегодня солнечно. Точнее, я знаю, что за окном солнце. Я так хотела, чтобы сегодня, когда я приеду сюда, обязательно было солнце. Оно есть, но здесь внутри я не чувствую ни его света, ни тепла. Вокруг меня только стерильная белизна. Хотя я в который раз вру. Белизна тут резная. Я пытаюсь рассмотреть узор, но слишком плохо вижу, чтобы рассмотреть хоть что-то. Ведь я теряю зрение. Но пока стараюсь не думать об этом. Пока я кое-что вижу, а значит всё не так плохо. В центре *бима*, а дальше вперед — углубление для *арон а-кодеш*, и над ним надпись на стене.

Мне говорили, что здесь повсюду можно найти изображение граната. Гранат — потому что внутри у него 613 зернышек. Столько же, сколько заповедей в Торе. 248 из них обязывают к исполнению определенных действий, и еще 365 — запрещают. Если взять календарный год, то получается по одному запрету на день, только на самом деле все запреты нужно помнить ежедневно. Получается цикл внутри цикла, вращающийся вокруг запрета. Наверное, запомнить столько заповедей может только по-настоящему праведный человек. Я и десять вспоминаю с трудом. Где же этот гранат? Может быть, он вплетен в узоры лепнины? Или он вон там, в розетках над окнами? Наверное, это и есть тот самый гранат. Я скорее догадываюсь, чем вижу сама, и оттого плохо запоминаю. Хотя это не страшно, ведь потом я всё смогу хорошенько рассмотреть на фотографиях. Сейчас я вижу только белые стены, высокие своды и большие узкие окна. А солнечный свет не вижу совсем. Как это возможно, если белый здесь такой предельной яркости?

Солнечный свет удивительным образом остается где-то за окнами. Сюда он как будто не проникает, обволакивает стены с внешней стороны, а дальше почему-то не идет, хотя здесь много окон. На нижнем ярусе окна с тонкими черными рамами, вместо стекол белые заштукатуренные прямоугольники. Когда я смотрю на них, мне кажется, что я действительно

слепну. Хотя если бы я слеpla, то видела бы черный, а не белый. А пока эти прямоугольники такие белые, но сквозь них невозможно увидеть свет. Сквозь них невозможно увидеть улицу. Я с трудом вспоминаю, что за этими окнами есть хоть что-то. Когда я смотрю на них, мне кажется, что я не только слепну. Мне кажется, что я немею. Забываю, как говорить. Забываю, как двигаться. Забываю, как дышать.

Всё-таки нахожу силы поднять глаза. Окна на втором ярусе гораздо больше, и в них есть стекло. Я вижу, как за ними сияет свет, но он так далеко, и он совершенно белый. Непроницаемые окна. Недостигаемый свет. Чувствую досаду. Чувствую, как начинаю злиться.

Я так ждала этого. Я думала, что приеду сюда после двух недель без сна и со мной случится что-нибудь важное, я что-нибудь пойму, открою для себя, почувствую в конце концов. Но вот я здесь, и я сейчас ничего не чувствую. Может быть, это потому, что здесь так много людей? Я хочу остаться здесь одна. Я закрываю глаза и пытаюсь прислушаться. К синагоге. К себе. К себе в синагоге. Я пытаюсь заглушить голоса других и расслышать что-то другое, хотя я вряд ли понимаю, что именно я ищу в этом многоголосии. Мне хотелось бы сейчас издать какой-нибудь монотонный звук. Мне хотелось бы растягивать его в этом пространстве, чтобы чувствовать время. Мне хотелось бы растягивать его во времени, чтобы чувствовать это пространство.

Вдруг я вижу ее. Она тоже закрывает глаза, кладет поверх них правую ладонь и нараспев начинает молитву. Кто это? И откуда я знаю, что нараспев и молитву? Я не слышу ее, только вижу и всё. Я совсем ничего не слышу, сейчас вокруг меня тишина. Тишина, которая больше похожа на пустоту. Или это внутри у меня пустота?

Открываю глаза. Меня снова ослепляет белизна. Ее больше нет. Что это было? Снова голоса и множество людей вокруг, мне кажется, я даже увидела у кого-то на руках щенка. Такое возможно в синагоге?

Не знаю, чего я ждала. Не случилось откровения. Озарения и просветления не случилось тоже. Я ждала, что приеду сюда и почувствую что-то, что будет сильнее меня. Что-то необъяснимое. Что-то, что нельзя увидеть. Да, стоит признаться хотя бы себе — я ждала, что почувствую нечто божественное.

Подслушиваю чей-то разговор с экскурсоводом.

«Синагога — это не дом Бога. Это *бейт кнесет* — дом собрания».

Да ведь и слово «синагога» с греческого значит то же самое. И я знала об этом. Просто почему-то забыла. Какое разочарование. Теперь придется снова читать, искать, додумывать. Ведь я должна написать об этом месте. Я должна написать историю этого места. Но я даже не историк. Я любознательный профан, пока не случившийся философ. Что я пытаюсь здесь найти? Опять подслушиваю.

«Ну вы же понимаете: девушка — это уже плохо».

Может быть, это и есть мой знак? Как трудно начинать, когда первое, с чем ты сталкиваешься — это осуждение. Даже если оно не намеренное, случайное, направленное куда-то мимо, но почему-то осевшее именно на твоих плечах. Засевшее именно в твоей голове.

Оборачиваюсь и вижу на противоположной от алтаря стене еще один ряд слепых окон. Как будто там раньше была галерея, а теперь ее заложили. С этой галереи на меня никто не посмотрит. Никто не узнает, что я здесь. А я даже не знаю, куда смотреть.

3.

«А вы уже были на нашем балконе? Правда он у нас сгорел».

Как можно побывать на балконе, который сгорел? Сгорел когда-то до момента, как на нем уже побывали. Это ведь путаница какая-то. Или здесь где-то временная петля? Когда именно он сгорел? Я слушаю истории, которые мне рассказывают, и ловлю себя на мысли, что не понимаю время. Я не понимаю, в каком времени происходят вещи, о которых сейчас говорят. Как будто всё, о чем здесь рассказывают, произошло на днях, а не когда-то давно.

Может быть, так и есть? Но разве могло произойти на днях столько всего в одном месте? Если честно, я даже не понимаю, сколько времени прошло с момента, когда я приехала сюда. Это всё еще мой первый день здесь? Или я здесь уже давно? Я выходила хотя бы раз? Тянусь за телефоном, чтобы проверить часы и календарь, но кто-то снова заговаривает со мной. Если бы мне удалось наконец поспать, было бы очень хорошо. Это явно было бы на пользу не только мне, но и моей работе здесь. Но спать еще нельзя. А когда будет можно, я всё равно опять не смогу заснуть.

«Правда он у нас сгорел». Сгорел вчера или в прошлом веке? Да что, в конце концов, такое этот ваш балкон? Для чего он был нужен, раз о нем говорят с таким сожалением и понижая голос. «Сгорел у нас». Что это значит? У нас в синагоге или у нас во время последней реставрации? Не мог же он сгореть во время тех трех пожаров, ведь это здание было построено позже, это я знаю точно. Значит были еще пожары? Так почему же о них нигде не написано? У кого мне спросить? Кто может знать и помнить об этом?

Кажется, я не смогу подняться на балкон, ужасно кружится голова, но это ничего, это от таблеток. Так что мне лучше побыть здесь, пока сходит кто-нибудь еще. Я остаюсь в молитвенном зале и сажусь на один из мягких стульев с яркой красной подушкой. Сажусь на красную подушку и пытаюсь представить балкон, который сгорел. Представляю не балкон, а красный цвет. Все, кто возвращается с балкона, показывают на фото не балкон, а полуразрушенный чердак со стропилами. Но я ведь помню, что речь шла о балконе, а не о чердаке. Неужели я неправильно запомнила?

«Там много помещений в аварийном состоянии, поэтому не везде пускают». — «Так как же попасть на балкон?» — «А он у нас сгорел».

Снова читаю. Когда синагогу строили заново после третьего пожара в 1902 году, по проекту Ильи Фрумкина, с обеих сторон от главного фасада появились две квадратные башни. Между ними над первым этажом проходила галерея, к которой вел отдельный вход. В этой галерее находилась женская часть синагоги. Здесь молились женщины. Всё в прошедшем времени. Это именно та галерея, которую я видела. Точнее, галерея, которую я не могла увидеть из-за слепых окон. Теперь ей не пользуются, теперь женскую половину отгораживают в молитвенном зале с помощью *мехицот*. Кажется, я даже видела эти самые *мехицот* с небольшими прорезями в боковом помещении, где сейчас хранится свиток Торы. Как мне сказали, этот свиток — единственное, что сохранилось после пожара. История этого места замыкается на пожаре.

«Глазами смотреть можно, руками трогать нельзя».

Женщины молятся там же, где и мужчины, хотя они всё равно обособлены специальными загородками. А что теперь с галереей — непонятно. Как будто есть и нет одновременно. Может быть, галерея — это тот самый балкон, который сгорел? Пытаюсь найти об этом хоть что-нибудь, но снова не нахожу ничего конкретного.

«После войны от нее ничего не осталось».

Но ведь остались окна. А что за ними? Снова пустота — внешняя, расположенная где-то снаружи. Пустота, окутывающая синагогу. И опять путаница со временем. Что значит «не осталось после войны»? Как может ничего не остаться уже после? А что вообще было здесь после войны? Проще спросить, чего здесь не было.

1946 год — интернат школы фабрично-заводского обучения №44 и спортивный зал.

1951 год — жилая часть Гродненского кооперативного техникума и склады Областного потребительского союза.

1952 год — школа киномехаников.

1957 год — учебные столярные и слесарные мастерские, а также токарное отделение педагогического института; винный склад артели «Красный пищевик»; книжный склад; аптечный склад с медикаментами.

Еще один список дат, который можно повторять, чтобы не отключиться.

«Мы вам покажем художественные мастерские». — «Здесь где-то рядом?» — «Да нет же, они были прямо здесь».

В художественные мастерские здание синагоги превратилось в 60-е. Должно быть, им было очень удобно работать здесь. Правда, говорят, что никто из художников не знал, что это за здание. Ведь после войны в Гродно не осталось никого, кто мог бы знать. А если кто-то оставался, то об этом нельзя было помнить. Можно стало только в конце 80-х. Правда до этого, как оказалось, на месте женской галереи художникам являлся призрак «жидовочки». Видимо, это всё, что осталось от галереи.

Какое странное слово — «жидовочка». Говорят, что это вовсе не обидно, а даже ласково. Почти по-отечески. Жидовочка. Интересно, как они понимали, что это именно жидовочка, а не просто призрак девочки? Откуда взялось это странное прозвище? Почему они называли ее жидовочкой? Когда-то давно кто-то так называл мою тетю и ее сестру.

«Опять привез своих жидовочек».

Кажется, это была их прабабушка, она говорила так, когда ее внук приезжал вместе с дочерьми на лето. Я помню, как мне рассказывали.

Жидовочка. И больше ничего. Без имени, без возраста, парящая вне времени. Она просто являлась на месте галереи, где когда-то молились женщины. Где когда-то молилась она. Интересно, как она выглядела. Совсем маленькая и прозрачная? Потерянная, напуганная, одинокая? Какая она? Какая она была? Кто ее родители? Где и как она жила? Почему она являлась здесь? Может быть, она являлась, потому что хотела что-то сказать? Должна же быть какая-то причина, по которой она приходила. Что она хотела сказать? Ведь если она являлась на галерее, это значит, что когда-то она здесь не только молилась. Когда-то она здесь умерла.

Я вспоминаю, как она закрывает глаза и поет в молитвенном зале синагоги. Неужели я тоже видела призрак жидовочки? Что она хотела сказать мне?

Только не в одном из пожаров. Пожалуйста.

4.

Так странно. Я запомнила эту надпись белой. А сейчас я смотрю фотографии и понимаю, что она черная. Это ведь так просто — тонкая черная надпись над *арон а-кодеш*, на белой стене прямо напротив входа. Ее ведь именно поэтому запоминаешь. Это первое что видишь сквозь *биму*. Но я помню только белый цвет. Как будто черный начисто стерт из моих воспоминаний. Кто-то перекрасил у меня в голове эту надпись в белый.

«Знаете, что тут написано?» — «Нет. Что же?» — «Когда закрываешь глаза, то можно увидеть глаза Бога». — «Это что-то про “Шма, Израэль”?» — «Слушай, Израиль? При чем тут это?» — «Так ведь когда читают, прикрывают глаза ладонью. Иначе можно ослепнуть». — «Нет-нет. Это никак не связано».

Увидеть глаза Бога. Я даже не знаю, можно ли придумать что-то более ужасное. Хотя «ужасное» — это не самое подходящее слово. Наверное, на самом деле это нечто абсолютно прекрасное. Но когда я думаю об этом, то испытываю ужас, ведь так и положено — произносить шепотом, в страхе и трепете. Вот какую молитву она читает — это «Шма».

Теперь мне страшно закрывать глаза, ведь я и так могу ослепнуть. Теперь я боюсь увидеть, как сияет ослепительный свет. Я не хочу видеть глаза Бога. Такого откровения я точно не хочу. Но когда я закрываю глаза, снова вижу ее, ту самую девочку. Когда я закрываю глаза, я вижу, как закрывает глаза она. Я бы хотела знать, что она видит, когда прикрывает веки правой рукой. Она ничего не боится и продолжает читать «Шма». Я бы хотела услышать ее голос. Но я по-прежнему не слышу.

Снова смотрю на надпись. Всё-таки это удивительно, что она черная. Я перепрыгиваю со строки на строку и понимаю, что мне совершенно неизвестно, что именно значит каждое из этих слов. Я не знаю, в какой последовательности они составлены. Я даже не знаю, какие звуки стоят за каждой из этих букв, ведь я не знаю иврит. Пожалуй, мне стоит начать учить иврит, может быть, так я наконец смогу понять это место? Ведь чем больше я читаю о нем, тем оно дальше от меня. Ускользающая синагога. Я так хочу ухватить ее суть, но у меня никак не получается. Я знаю ее историю, но я никак не пойму, о чем ее правда. Ее правда —

это тайна, которая мне не доступна. Совсем как солнечный свет, который остается за окнами. Кажется, вот же он, но достичь его невозможно. Может быть, когда-нибудь эта девочка откроет мне эту тайну? Может быть, когда-нибудь она научит меня, как ухватить этот свет? Я завидую художникам, у которых раньше здесь были мастерские. Ведь они наверняка знают, как ухватить свет. Наверное, мне бы стоило стать художником ради этого. Но уже слишком поздно. Я никогда не стану художником. Ведь я и так теряю зрение. Я слепну. И белый цвет молитвенного зала тут ни при чем.

Нет, всё-таки не может быть, чтобы эта фраза и «Шма» никак не были связаны. Источник с самой этой фразой я нигде найти не могу. Случайно натыкаюсь на чей-то репортаж о синагоге.

«Надпись на иврите: “Да не будет у тебя других богов пред лицом Моим”».

Конец первой заповеди? Это конечно же логично. Но почему не вся заповедь? И как же тогда глаза Бога? Ведь это вряд ли нюансы перевода. Как хорошо было бы знать иврит.

Думаю о глазах Бога и о других богах. Неужели столько слов может вместиться в эти три строки? Конечно, я совершенно безграмотна в этом вопросе, но кажется, здесь всего четыре слова. И есть ведь какой-то смысл в том, что слово в центре написано в два раза крупнее, чем слова сверху и снизу. Сейчас бы очень помогло, если бы мне явился Мордехай Яффе и подсказал, что здесь написано. Но я вижу только девочку.

«Это из Талмуда. Псалом 16, первая часть стиха 8. А в центре — произносимое имя Бога».

Ну конечно, тетраграмматон. Можно было догадаться. А я пыталась подобрать буквы из *алефбет* и всё-таки понять, как это произносится. В какой-то момент мне показалось, что я снова немею. Тетраграмматон нельзя произносить вслух. Как хорошо иметь знакомых, у которых есть знакомые талмудисты.

Всегда я видел Господа перед собой...

У христиан это псалом 15. А вот в псалме 16 в христианской традиции есть обращение к Богу — сохранить молящегося как зеницу ока. Откуда же взялись тогда глаза Бога?

Сегодня я в первый раз радуюсь, что не могу спать. Мне незачем закрывать глаза.

5.

Я всё время думаю о том, как показать время. Что такое вообще — время? Время — движение в пространстве. Даже если оставаться на месте, оно всё равно идет. Идет и идет. Хочется сказать: вперед. Только время вперед не движется, оно просто пронизывает нас насквозь. И вот проходит десять лет, мы вдруг случайно видим себя в зеркале и замечаем, что уже изменились. Сколько времени проходит между этим «уже» и моментом, когда мы это замечаем?

Но как показать движение времени в пространстве? На графиках оно обычно движется куда-то вверх. Так же, как возводится здание — чем больше времени проходит, тем выше становятся стены. Но в какой-то момент что-то происходит, и фундамент вдруг начинает проваливаться. Здание врастает в землю, но время вспять не поворачивается. Оно просто продолжает свое движение, которого мы ощутить не можем. Мы только с помощью света можем заметить, сколько прошло времени. Сколько времени уже прошло. Действительно, сколько?

Я возвращаюсь сюда снова и снова, физически и мысленно, хотя на самом деле хотела бы оказаться в другом месте. На самом деле я хотела бы вернуться в прошлое. Но мне не нужно чужое прошлое. Я хочу вернуться в свое. Всего лишь чуть-чуть назад. Я бы хотела вернуться назад на две недели, но это невозможно. Так что мне остается только надеяться, что я наконец-то усну. Может быть, хотя бы так я смогу вернуться? На самом деле мне было бы достаточно просто увидеть. Один последний раз. Больше и не надо. Я снова пью таблетки, но они не помогают.

Снова не могу спать, возвращаюсь к синагоге. Перечитываю всё, что я нашла. А что у меня, по сути, есть? Множество снимков, на которых есть всё, кроме женской галереи? Пара

статей, где собраны открытые данные? Еще есть открытки. Четыре. Все четыре с панорамой Гродно. На каждой изображение синагоги. На тех, которые датируются началом XX века, с одним и тем же ракурсом, синагогу видно лучше всего. На цветной надпись по-русски и по-польски: «Гродно — Синагога». На черно-белой только по-русски: «Гродно. Главная Еврейская Синагога». Как будто синагога может быть не только еврейской. Хотя эта чьяй только не была. Две другие открытки польские, 30-х годов. На обеих масштаб мельче, на одной синагога смещена вправо, а на второй — вниз. Подпись на первой: «Гродно. Вид из города на предместье и Неман». На второй: «Гродно. Вид с костела гарнизонного на божницу XVI века, перестроенную в 1901 году, и на Коложу с храмом XI–XII веков». Видимо, каким-то удивительным образом синагога превратилась здесь в «божницу». А чтобы рассмотреть Коложу, потребовалось бы увеличительное стекло. Иногда такие подписи красноречивее любой исследовательской статьи. Впрочем, если бы я не знала, как выглядит Большая хоральная синагога, то никогда бы не догадалась, что из этого — она. Ведь канона, по которому здесь строили синагоги, не было. Большое красивое здание, стиль — русский модерн. Если не знать и не вглядываться, то можно решить, что здесь могло быть что угодно. Впрочем, так и было. И чаще всего — разрушение. Я узнала, что пожары разрушали не только синагогу. Однажды вместе с синагогой сгорел дом для сирот, который стоял недалеко от этого места.

Но ведь она является именно в синагоге. Значит она не была сиротой. Значит у нее были родители.

б.

Аба — мое первое слово на иврите. Первое слово, которое я научилась читать и произносить. *Аба* — значит «папа». Папа — это мое первое слово. Первое слово, которое я научилась осознанно произносить, когда была ребенком.

Первая молитва, которой отец учит своих детей — это «Шма». И это также последнее, что произносит умирающий. Еще один цикл, охватывающий каждую отдельную жизнь и преодолевающий пределы одной жизни. Ведь сама «Шма» предписывает отцам передать эту молитву своим детям. Правда в некоторых переводах есть различие — где-то речь идет о детях, а где-то только о сыновьях. Женщины и дети освобождены от чтения «Шма», хотя могут произносить ее по своему желанию.

Снова думаю о ней. Ведь я точно знаю, что она поет «Шма».

Я когда-то прочитала, что в XIX веке в Беларуси самая низкая детская смертность была в еврейских семьях. Это потому, что дочь всегда остается в родительском доме, ведь еврейским девушкам было запрещено уезжать, выбирать профессию, им вообще было запрещено делать выбор. Дочь остается в родительском доме, даже когда выходит замуж. Ее муж переезжает к ее родителям. Но зато самая низкая детская смертность в еврейских семьях именно потому, что дочь остается со своей матерью. Роды принимает мать, а не чужая женщина. Так запрет на выбор предопределяет продолжение жизненного цикла. Но «Шма» учит только отец. Эмоциональная связь у отца и дочери всегда сильнее, чем у отца и сына. Сильнее настолько, что отец может даже проклясть свою дочь, если она ослушается и пойдет против его воли, сделав собственный выбор. Но он всегда прощает ее в конце.

Кажется, я слишком много читаю.

Я так боюсь, что совсем перестану видеть. Ведь когда-нибудь я совсем перестану видеть. Что мне тогда останется? Я тогда совсем не смогу читать. Хотя, может быть, это хорошо. Только как я буду учить иврит? Мне придется хорошенько натренировать память и слух. А если я и слух потеряю тоже? Что тогда останется?

Вспомнила еще одну книгу. Ее написал один из выживших в Гродненском гетто.

«Единственное, что на самом деле остается нам — это то, что мы от всего сердца отдаем другим. Если ты кому-нибудь помогаешь, если ты отдаешь ему что-то свое, никто уже не сможет отобрать у тебя этого. Даже после смерти».

Как же больно.

7.

Моя первая мысль, когда я вижу фотографии из гетто — завести большую семью, усыновить много детей. Наверное, это странно. Наверное, это ненормально. Ведь мне страшно. А я думаю о семье. Мне стыдно. А я думаю о семье. Я думаю о своей не случившейся семье и о своих не рожденных детях. Я вижу изображения людей, которых скоро не станет, и хочу семью и детей.

Во время войны в Гродно было два гетто, синагога входила в гетто №1.

Сначала ее использовали как госпиталь — его разместили на втором этаже. А потом это место стало последним пунктом перед экстерминацией. Экстерминация — очень лицемерное слово. Оно уводит от сути. До последнего не называет преступление своим именем. Экстерминировать значит уничтожить. И если бы это было синонимом слова «убить». Это значит лишиться конца. Жизнь и смерть беспрерывно обмениваются друг на друга, и в этом — закон Вселенной, который делает ее одновременно несовершенной и такой прекрасной. Но экстерминация уничтожает этот закон. Экстерминация приводит Вселенную в тотальный порядок. После этого больше ничего не остается. Не остается даже иллюзий.

Войну пережили меньше 200 гродненских евреев. Большинство потом уехали в Польшу. А те, кто остались, и те, кто приехали сюда после войны, уже не смогли заполнить пустоту.

Я закрываю глаза. Она ведь не может быть моим ребенком?

Я так хотела большую семью и много детей. Но я осталась одна. Я стала терять зрение. Я лишилась возможности спать. Это произошло всего лишь две недели назад.

«В синагоге нет галереи. Там, за окнами? Нет, там ничего нет, пусто. Просто коридоры, туалет, *миква*. Туда нет общего доступа, но там полный ремонт, всё хорошо».

8.

Мне приснилось, как она зовет отца. Она спрашивала его, кем она станет в будущем и что с ней будет, если она перестанет видеть. Но он молчал. Он ничего не отвечал ей. Его как будто не было рядом. Что с ним случилось? Почему он молчал? Неужели ничего нельзя было сделать? Она прикрывала глаза правой рукой и нараспев начинала «Шма». Снова и снова. Я слышала ее голос и так хотела спросить ее, кто она и почему я ее вижу? Но потом я проснулась.

Сегодня мне наконец объяснили, что балкон — это место между башнями на фасаде синагоги. Кажется, кто-то услышал, как я говорю вслух сама с собой, и решил помочь в моих поисках. Оказывается, глупые привычки иногда помогают. С этого балкона старейшины-мужчины раньше произносили поздравительные речи на праздники. Но больше никто поздравительных речей не произносит, потому что балкон однажды сгорел. А вот галерея во время того пожара не пострадала. Но определить, где именно она находится сейчас, трудно. О ней мало кто помнит. Как будто ее действительно нет. Как будто ее никогда не было. Как будто сама идея о галерее застряла где-то в расщелинах старых стен, впиталась в них и никак не проявится в новом пространстве синагоги. А может быть, это я просто никак не отыщу дверь, за которой она находится?

Я так долго нахожусь здесь, но как будто заперта в одном моменте. Как если бы я всё время готовилась к чему-то, но никак не начну. Всё, что я делаю — это бесконечное предварение, из которого я не могу вырваться. Я уже внутри, но никак не могу попасть туда, где открывается правда. Как будто я топчусь на месте, не в силах заглянуть за пределы, которые открываются моему зрению. Но в этом уже нет никакого смысла. Ведь скоро я совсем перестану видеть.

Что если я до сих пор сижу на том красном, как гранат, стуле?

Я надеюсь, что сегодня она снова придет ко мне во сне и откроет свою тайну. Я закрываю глаза и вижу свет.

...Он по правую руку от меня — я не поколеблюсь.

9.

«Когда я совсем перестану видеть, я всё еще буду способна слышать.

Когда я совсем перестану слышать, я всё еще буду способна чувствовать.

Когда я совсем перестану чувствовать, я всё еще буду способна мыслить.

Когда я совсем перестану мыслить, я всё еще буду.

Я всё еще буду.

Я — буду.

Когда-нибудь я перестану быть. Что тогда останется? Что останется, *аба?*»

10.

Слушай, Израиль: Господь — Бог наш, Господь один!

Люби Господа, Бога твоего, всем сердцем своим, и всей душою своей, и всем существом своим, и будут эти слова, которые я заповедал тебе сегодня, в сердце твоём, и повторяй их сыновьям твоим, и произноси их, сидя в доме своём, находясь в дороге, ложась и вставая; и повяжи их как знак на руку твою, и будут они знаками над глазами твоими, и напиши их на дверных косяках дома своего и на воротах своих...

Гродно-Минск, 2021

Ксения Шталенкова

xenia.shtalenkova@gmail.com

+375296161201 (Telegram, Viber)